

Наталья Крофтс.

Родилась в Херсоне (Украина) в 1976 году. Окончила МГУ имени Ломоносова (Россия) и Оксфордский университет (Англия) по специальности классическая филология. Работает консультантом по коммуникациям и СМИ, живёт в г. Сидней, Австралия. Автор двух поэтических сборников; стихи, рассказы, статьи и переводы публиковались в периодике и коллективных сборниках (в журналах «Юность», «День и ночь», «Интерпоэзия», «Слово/Word», «Австралийская мозаика» и др.). Стихи на английском опубликованы в четырёх британских поэтических антологиях. Лауреат ряда литературных конкурсов: в том числе – «Золотое перо Руси», «Цветаевская Осень», «Музыка слова», «Музыка перевода-II», турнира переводчиков «Пушкин в Британии»

*На развалинах Трои лежу, недвижим,
в ожиданье последней ахейской атаки
(Ю. Левитанский «Эволюция»)*

На развалинах Трои лежу в ожиданье последней атаки.
Закурю папироску. Опять за душой ни гроша.
Боже правый, как тихо. И только завьли собаки
да газетный листок на просохшем ветру прощуршал.
Может – «Таймс», может – «Правда». Уже разбирать неохота.
На развалинах Трои лежу. Ожиданье. Пехота.
Где-то там Пенелопа. А может, Кассандра... А может...
Может, кто-нибудь мудрый однажды за нас подытожит,
всё запишет, поймёт – и потреплет меня по плечу.
А пока я плачу. За себя. За атаку на Троию.
За потомков моих – тех, что Троию когда-то отстроят,
и за тех, что опять её с грязью смешают, и тех,
что возьмут на себя этот страшный, чудовищный грех –
и пошлют умирать – нас. И вас... Как курёнка – на вертел.

А пока я лежу... Только воют собаки и ветер.
И молюсь – я не знаю кому – о конце этих бредней.
Чтоб атака однажды, действительно, стала последней.

НАД ПЛЁСОМ

Выйдешь на берег – неслышно, как тень, молчаливо.
 Станешь молиться отчаянно, истово, вслух.
 Снова кругом половодья – и снова разливы
 Будут безбожно терзать беззащитный мой дух.

Двух не бывает смертей? – Всюду смерти и войны.
 Глух – говорят – к вопиющему пастырь небес.
 Бес – говорят – он попутает, будьте покойны!
 ...Берег. Рассвет. И над плёсом колышется лес...

«НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ» ИЛИ «О ГЕНАХ»

Знать – судьба. Не уйти. Губы с дрожью прошепчут: «Осанна!»
 Но темнеет лицо. И беда понесётся вразнос.
 Волокут. Кровь на белом снегу. Крики ужаса. Бой барабанный.
 «Нам бы крови да слёз, молодцы, нам бы крови да слёз!»

Видно, гены у нас – от лихого, шального смутьяна.
 Что-то тихо? Вставай! Сочинить ли со скуки донос?
 Кто наврал, что у нас благодать, мол, нужна и желанна?
 Нам бы крови да слёз, молодцы, нам бы крови да слёз!

И уютно живя возле ласковых вод океана,
 в жилах чую метель, да пургу, да ядрёный мороз.
 Бунты. Раж. Топоры. Да на рельсы опустится Анна.
 «Нам бы крови да слёз, – я шепчу. – Нам бы крови да слёз».

Таврии, земле Херсона и Херсонеса

Черноморские дали.
 Дикий храп кобылиц.
 Звон отточенной стали.
 Кровь.
 Я падаю ниц.
 И на тунике белой –
 тёмно-липкий узор.
 Принимай моё тело,
 Херсонесский простор.

Белокаменный град мой,
 смесь народов и вер,
 я вернусь. Я обратно
 обязательно вер...

Полонянок уводят
 босиком по стерне
 на чужбину, в неволю.
 Крики.
 Топот коней.
 Уж и ноги ослабли,
 не шагнуть мне, хоть вой.
 Янычарские сабли –
 над моей головой.
 Я крещусь троекратно.
 Добивай, изувер...
 Я вернусь. Я обратно
 обязательно вер...

Вот и всё. Докурили.
 Чай допили. Пора.
 Расставания, мили...
 Может, это – игра?
 Полсудьбы – на перроне.
 Путь веревочкой свит.
 И – без всяких ироний:
 «Приезжай». – «Доживи».
 О измученный град мой,
 смесь народов и вер,
 я вернусь. Я обратно
 обязательно в-е-р...

ХЕРСОНСКАЯ ЗАРИСОВКА

Осенний день. Репринт. Перепечатка
 прошедших лет. Жёлт плагиатор-клён.
 Хоть солнечно, но ты уже в перчатках.
 А под асфальтом прячется брусчатка,
 как беженка из сказочных времён.

СКАЗКА

Всё просто: я струилась в берегах,
А он поил печаль моим дыханьем.
В тени листвы печаль, дрожа боками,
Позвякивая сталью в удилах,
Пыталась одолеть пред миром страх...
А я себе струилась в берегах.

Всё просто: он поглаживал печаль,
Смотрел в глаза озёр моих усталых
И вспоминал, как молодцу пристало,
Озёра глаз, что жизнь умчала вдаль...
И ласково поглаживал печаль.

Всё просто: я не помню, сколько лет
Его буланный пьёт мою водицу,
И путник, позабывший торопиться,
Стал частью леса, превратился в свет,
Сидит, моим дыханием согрет...
Но я уже не помню, сколько лет.

Я – жёлтый листик на груди твоей.
Меня на миг к тебе прибило ветром.
Вот и конец. И не найти ответа,
зачем в тиши изнеженного лета
поднялся ветер и, сорвав с ветвей,
мне дал на миг прильнуть к груди твоей.

*"Кого боги хотят погубить,
того они лишают разума" (Софокл)*

Боги нас безумьем поразят...
...В телефон я глупости шепчу.
Ум твердит: «Оставь его. Нельзя».
Сердце властно требует: «Хочу».

Через стык континентальных плит
я за сотни вёрст к тебе лечу.
Сквозь «нельзя», которое болит,
к одному желанному «хочу».

И сомкнувшись так, что не разнять,
не унять и не остановить,
не понять запретов, не принять –
пьём одно кипучее «любить».

...Но уводит прочь моя стезя
от тебя. Ты куришь. Я молчу.
Глотку жмёт суровое «нельзя»
веру потерявшему «хочу».

Всё. Рука пуста. Реванш не взят.
По закону чести я плачу:
падаю на остриё «нельзя»
с выси недоступного «хочу».

Ты оставил рубаху. Наверно, чтоб было теплей
мне в морозную ночь
(этот город прохожих не греет).
Ты налей мне. Да нет –
просто чаю покрепче налей.
И рассвет
мне неловко крадётся в зрачки –
и алеет.
Повезёт? Повезёт.
до меня дотянуться легко.
Присылаешь в подарок пакет –
по мобильным частотам.
Далеко? Да плевать. И пускай далеко-далеко...
...и со злостью рассвет бьёт палящим мячом по воротам.